

Троекуров

Троекуров Кирила Петрович — персонаж романа А.С. Пушкина «Дубровский», родовитый дворянин, богатый владелец села Покровского, генерал-аншеф в отставке, самодур, гроза всех окрестных помещиков; отец Маши, возлюбленной Дубровского.

Прототип Троекурова Троекуров — помещик Козловского уезда гвардии подполковник Семен Крюков, в 1832 году неправедно отсудивший имение у подпоручика Ивана Муратова. Ссора Троекурова с его бывшим другом, отцом главного героя, приведшая к разорению Дубровских, помещательству, а затем и смерти старого помещика, служит завязкой трагического сюжета о дворянине, который вынужден стать разбойником и при этом без памяти влюблен в дочь своего главного обидчика.

В отличие от образа Дубровского (и отчасти Маши) образ Троекурова не мог быть скомпонован из готовых литературных «блоков», хотя история с судебной тяжбой повторяет сюжетные положения «Ламмермурской невесты» (роман В. Скотта): тяжбу между старым Рэвенсвудом и Эштоном. Самый тип русского барина-самодура, причем современного, а не взятого напрокат у допетровской истории, не был детально разработан отечественной словесностью. Исключения вроде князя в романе В. Нарезного «Российский Жилблас» не в счет; богатый опыт русской комедиографии конца XVIII века по сценическому изображению типа невежественного помещика прямому переносу на литературную почву не подлежал. Образы Праволова (помещика, отнимающего имение у «бедной и безгласной» вдовы Свенельдовой) и «великолепного разбойника Буянова» из нравоописательного «помещичьего» романа Д. Бегичева «Семейство Холмских...» (1832) лишь намечали черты нового литературного типа. Новизна героя предполагала большую подробность и колоритность изображения; социальный портрет барина Троекурова отчасти затмил собою образ «благородного разбойника» Дубровского.

Троекуров именно самодур, то есть человек избалованный и распущенный до безобразия, опьяненный сознанием своей силы. Богатство, род, связи — вот формула его жизнеощущения. Обжорство, пьянство, сластолюбие (по двору бегают множество крестьянских ребятишек, как две капли воды похожих на Троекурова; во флигеле, как в гареме, заперты шестнадцать горничных — трагическая проекция замка «двенадцати дев» из поэмы «Руслан и Людмила») — вот его времяпрепровождение. Унижение слабых, «благородные увеселения русского барина» вроде травли зазевавшегося гостя медведем — вот его удовольствие. «Совершенная повариха» — вот единственное его чтение. (При том, что в доме — обширная библиотека, ключи о которой отданы дочери Маше.)

При этом Троекуров не прирожденный злодей; уважает чужую решительность — именно поэтому он до поры до времени искренне дружил с бедным соседом, владельцем семидесяти душ Андреем Гавриловичем Дубровским. (В первоначальном варианте тема «богатства» Троекурова и «бездности» Дубровского-старшего, его бывшего сослуживца, была осложнена политическим мотивом: после екатерининского переворота 1762 года, расколовшего дворянство, один продолжил службу, другой вышел в отставку.) А если он, в конце концов, после ссоры на псарне, решил «наказать» старика Дубровского и с помощью взяток отсудить у него единственное имение Кистеневку; если довел прежнего товарища сначала до умопомешательства, а затем и до смерти, — то не из корыстолюбия, а единственно по самодурству, из желания удовлетворить прихоть мести. Недаром после «победного приговора» суда совесть в Троекурове ропщет; он гневно насвистывает гимн «Гром победы раздавайся» (что делает всегда в дурном расположении духа); и в конце концов едет мириться. Другое дело, что поздно — поздно и физически (старик уже при смерти), и метафизически. (Дела переходят в руки Дубровского-младшего, который через

слугу передает Троекурову унижительный приказ убираться восвояси.)

Точно так же, когда Владимир, ставший «благородным разбойником», под видом француза-учителя Дефоржа поселяется в доме Троекурова — и хладнокровно убивает «увеселительного медведя», Троекуров не только не жалеет о смерти любимого Миши, но и восхищается «Дефоржем», как некогда восхищался стариком Дубровским.

Беда не в Троекурове лично, а в социальном устройстве российской жизни; оно развивается в необразованном, непросвещенном — хотя и родовитом — дворянине худшие наклонности; слабого делает слабее, а в сильном порождает веру в безграничность его власти: «В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение». Даже самое живое и естественное из всех человеческих чувств — любовь к детям — искажается до предела: Троекуров души не чаёт в своей Маше, но устраивает судьбу дочери не только вопреки ее воле, но и вопреки ее счастью, исходя из соображений выгод и невыгод родства, приобретаемого через брак.

Это тем более страшно, что помещик как бы отражается в подвластных ему крестьянах; «троекуровские» столь же спесивы, сколь он сам. Недаром сквозь весь текст романа проходит метафора своры, псарни: именно троекуровский псарь дерзит Дубровскому-старшему — и как бы сталкивает помещиков лбами; слуга Дубровского-младшего, посланный барином прогнать Троекурова со двора, переиначивает приказ: «Пошел вон, старый пес», после чего няня Егоровна удовлетворенно замечает: «небось поджал хвост». А ключом к сцене храмового праздника Троекуровых (1 октября) служат слова, которые внезапно обезумевший старик Дубровский произнес сразу после объявления несправедливого приговора: «псаря водят собак в Божию церковь». Если — по православной традиции — собака входит в храм, святыня считается оскверненной; вслед за этими словами Дубровский-старший швыряет в заседателя чернильницей (как Мартин Лютер при явлении черта). Все это неизбежно демонизирует социальную жизнь, изображенную Пушкиным; а значит, и сквозь образ Троекурова тоже начинают просвечивать своим темным светом демонические черты. (Недаром в сцене храмового праздника, открывающей 2-й том романа, он изображен молящимся и кланяющимся с гордым смирением.)

На демонической подоплеке социальных проблем (и решающих их персонажей) Пушкин сосредоточится в следующем прозаическом опыте, повести «Пиковая дама» (1833). Пока же он ограничивается полунамеком на «ирреальную» подоплеку событий и занят поиском реального выхода из реальных противоречий; ищет — и не находит. До царя, который, особенно после Отечественной войны 1812 года, должен быть хранителем российской справедливости, далеко; умы дворян не просвещены; «дворянско-крестьянский» бунт не только не может быть последовательно-благородным, но и не способен разрушить сословные перегородки; больше того, до ухода в честные разбойники Дубровский имеет отдаленный шанс жениться на Маше (ибо Троекуров, по крайней мере на словах, некогда допускал такую возможность) — бунт лишает его и этой надежды. Остается лишь помнить об истине, которую автор вкладывает в уста попа, направляющегося на поминки по старику Дубровскому: «Суета сует... и Кирилу Петровичу отпоют вечную память... разве похороны будут побогаче... а Богу не все ли равно!»